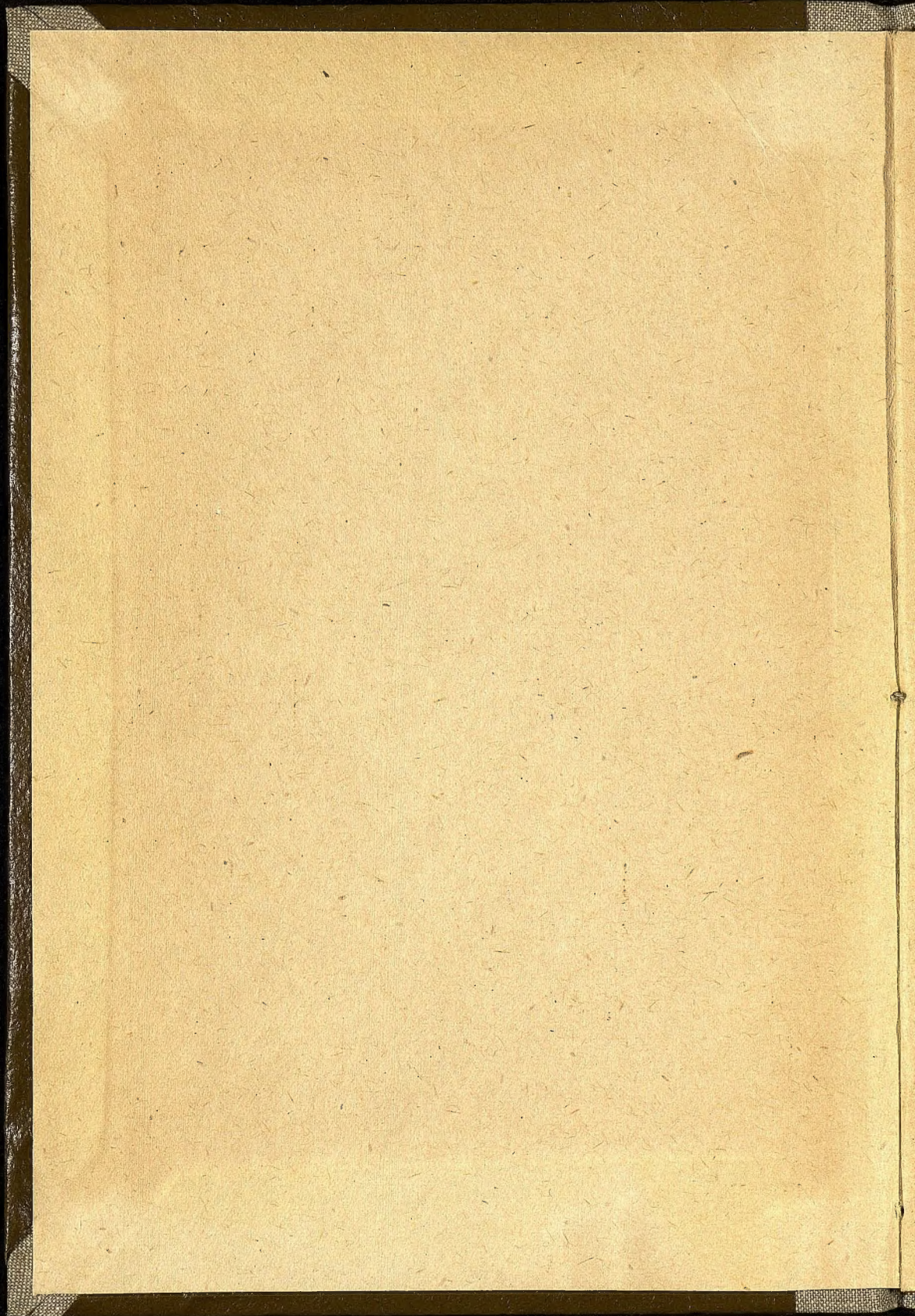
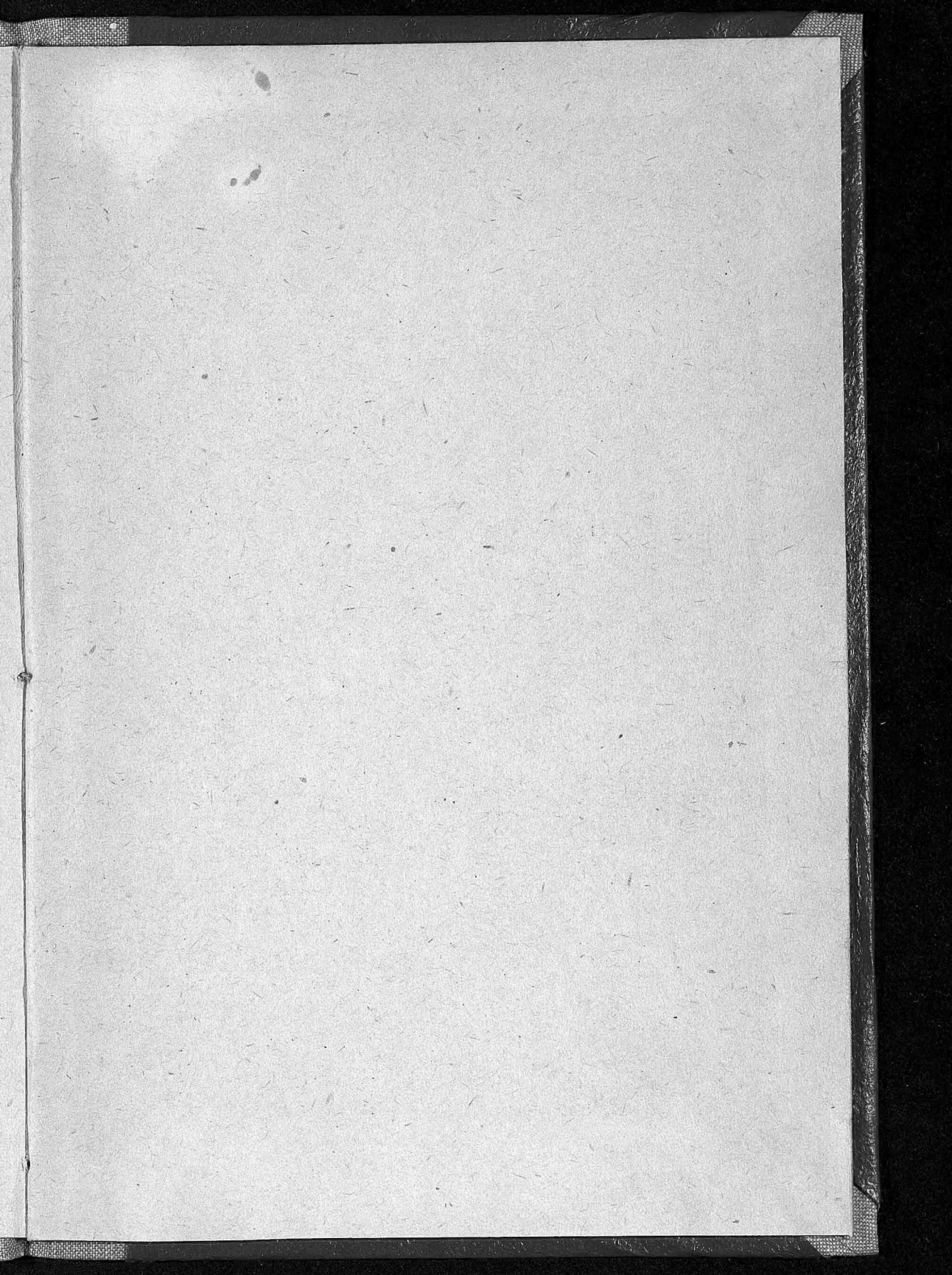
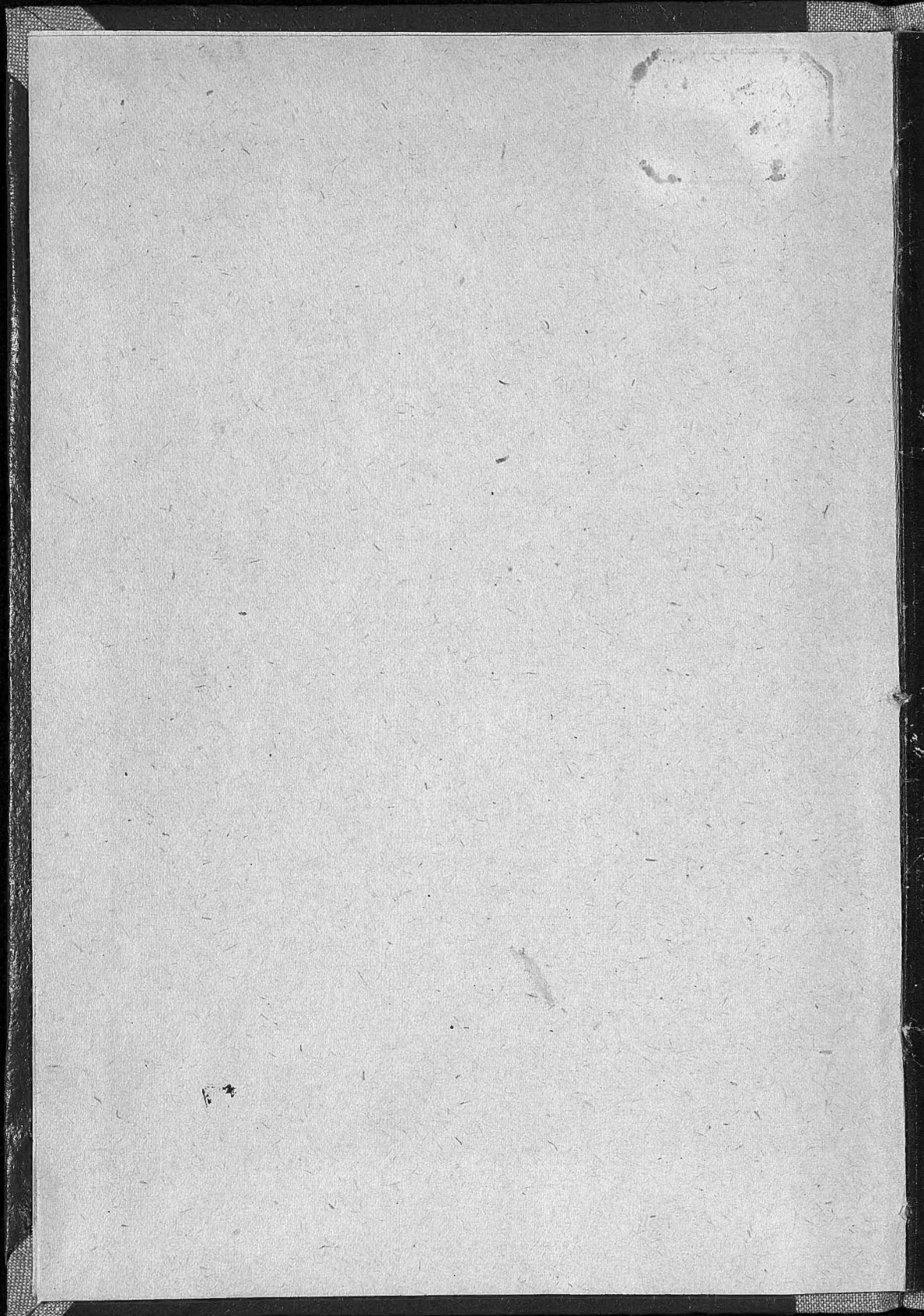
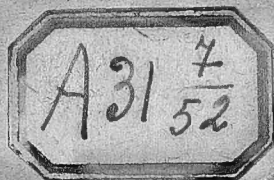

A31⁷/₅₂

XXXI 52

0

СПРЯЖЕНИИ РУССКАГО ГЛАГОЛА,

СТАТЬЯ

Акова Грома.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1853.

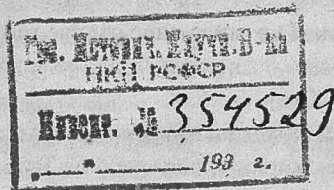
1347/5

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
11 Іюня, 1853 года.

Непремѣнный Секретарь П. Фусъ.

Изъ 5-го выпуска II-го тома Извѣстій Второго Отдѣленія Академіи Наукъ.

ЗАМѢЧАНІЯ

0

СПРЯЖЕНІИ РУССКАГО ГЛАГОЛА. *)

При всемъ различіи, встрѣчаемомъ у грамматиковъ нашихъ въ системѣ разсмотрѣнія Русскихъ глаголовъ, мы находимъ у нихъ однакожъ одну общую черту. Всѣ они, признавъ неопредѣленное наклоненіе за основную форму, либо производятъ отъ него, либо по крайней мѣрѣ въ слѣдъ за нимъ приводятъ 1-е лице един. числа настоящаго или будущаго времени изъявит. накл., а отъ этого лица образуютъ 2-е и всѣ остальные того же времени **).

Хотя эти остальные лица часто отличаются отъ 1-го мѣстомъ ударенія, однакожъ мы въ грамматикахъ не находимъ указанія, чѣмъ надобно руководствоваться въ пере-

*) Нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній высказаны были мною еще въ 1845 году въ статьѣ: *Объ основныхъ формахъ Русскаго глагола* (Современникъ, Т. XXXVIII). Эта статья, какъ первый мой филологическій опытъ, не могла быть трудомъ вполне удовлетворительнымъ, но сознавая въ томъ охотно, я до сихъ поръ нахожу многія положенія въ ней справедливыми, и потому рѣшаюсь представить ихъ теперь, въ новомъ изслѣдованіи и съ значительными перемѣнами, на судъ знатоковъ Русскаго языка.

**) Подъ остальными лицами я здѣсь, для краткости, разумѣю какъ 3-е лице единственнаго, такъ и всѣ три лица множ. числа. Такимъ же образомъ я подъ настоящимъ временемъ буду разумѣть иногда какъ собственно это время, такъ и сходное съ нимъ будущее.

мѣнѣ ударенія. Да и самое опредѣленіе того, когда 2-е лице ед. числа должно оканчиваться на *ешь* и когда на *ишь* очень сложно и сбивчиво.

Г. Гречъ показываетъ, какимъ образомъ 1-е лице про-изводится отъ неопред. наклоненія. Такъ какъ неопр. на-клоненіе не представляетъ никакой примѣты, которая всегда давала бы знать окончаніе 1-го лица, то разумѣется, это повлекло г. Гречѣ въ необходимость высчитывать, съ одной стороны, въ видѣ правилъ, а съ другой, въ видѣ ис-ключеній, всѣ случаи, когда при извѣстныхъ окончаніяхъ неопредѣленнаго наклоненія глаголь образуетъ 1-е лице ед. числа наст. или буд. времени такъ или иначе.

Г. Востоковъ умѣлъ избѣгнуть этого неудобства, но и онъ въ своихъ 10-ти различіяхъ глаголовъ показываетъ от-ношеніе между неопредѣленнымъ наклоненіемъ и 1-мъ ли-цемъ наст. времени. Указаніе перемѣны ударенія во 2-мъ и слѣдующихъ лицахъ не вошло у него въ составъ самой статьи о глаголахъ, а отнесено къ общей главѣ о слогуода-реніи, составляющей послѣднюю часть его книги.

Г. Павскій, желая устранить гордіевъ узелъ Русской грамматики, разсѣкъ его: онъ отвергъ надобность внѣш-нихъ признаковъ для производства главныхъ глагольных формъ, и основалъ свои правила спряженія на внутреннемъ составѣ глагола, на различномъ сочетаніи первоначальнаго, часто скрытаго корня его съ извѣстными окончаніями. Примѣненіе этой методы возможно только для филолога, но какъ могутъ воспользоваться ею учащіеся?

Существованіе двухъ различныхъ удареній во многихъ Русскихъ глаголахъ есть обстоятельство чрезвычайно важ-ное и заслуживающее точно такого же вниманія, какъ и различіе самыхъ окончаній. Ошибка въ удареніи можетъ иногда показаться гораздо грубѣе, нежели неправильное окончаніе, какое мы нерѣдко встрѣчаемъ даже и на пись-мѣ, наприм. въ словахъ: *стелютъ*, *надпятся*, *строятъ* вмѣ-сто *стелютъ*, *напятются*, *строятъ*. Правда, въ удареніи при-

родный Русскій не ошибется; но здѣсь дѣло идетъ объ опредѣленіи законовъ языка по требованіямъ науки, и познаніе ихъ важно не потому только, что оно облегчаетъ иностранцамъ его изученіе.

Другое важное обстоятельство—то, что присутствіе въ глаголѣ двухъ разныхъ удареній—если они есть—по большей части обнаруживается въ настоящемъ или будущемъ времени изъяв. накл., и именно такимъ образомъ, что въ 1-мъ лицѣ ед. числа бываетъ одно удареніе, а въ прочихъ лицахъ обоихъ чиселъ—другое (смотрю, смѣтришь,—ить,—имъ,—ите,—ять).

Далѣе мы замѣчаемъ, что часто однѣ изъ формъ, принимаемыхъ глаголомъ въ спряженіи, бываютъ по ударенію сходны съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, а другія отъ него отличаются, и что это различіе въ большей части случаевъ обнаруживается постоянно одинаковымъ образомъ.

Эти наблюденія убѣждаютъ насъ, что для вѣрнаго спряженія извѣстнаго глагола нужно при самомъ, такъ сказать, наименованіи его уже имѣть указаніе: одно или два въ немъ ударенія?

Изъ этого ясно уже видна необходимость, по крайней мѣрѣ, *двухъ основныхъ формъ* для спряженія глагола *).

Есть ли въ такомъ требованіи какое-нибудь существенное неудобство? Всѣмъ извѣстно, что въ Латинскомъ языкѣ для спряженія большей части глаголовъ надобно знать цѣ-

*) Основныхъ формъ не должно принимать въ смыслѣ *коренныхъ*. Корень глагола часто не бываетъ виденъ въ цѣломъ спряженіи, на пр. въ глаголахъ: *тонуть* (кор: тов) и *гнуть* (кор: гб). Нельзя также сказать, чтобы которая-нибудь изъ формъ глагола была въ отношеніи къ другимъ коренною, чтобы однѣ отъ другихъ дѣйствительно происходили. Дѣло только въ томъ, что глаголъ въ различныхъ своихъ измѣненіяхъ принимаетъ разныя окончанія, и что между его измѣненіями есть такія, которыя представляютъ вѣрное указаніе, какъ образовать и всѣ остальные. Такое указаніе должно заключаться во внѣшнихъ примѣтахъ, которыя бы всякому, даже и начинающему изучать языкъ, были ясны.

дыя четыре формы; да и въ новѣйшихъ языкахъ нельзя спрягать глагола, зная одно только неопред. наклоненіе. У насъ еще не согласились въ принятіи, для спряженія, извѣстныхъ основныхъ формъ, которыхъ надобность не во всѣхъ Русскихъ грамматикахъ даже и выражена; но вообще считаютъ или подразумѣваютъ нужнымъ знать предвари-тельно три формы: неопр. наклоненіе, 1 и 2 лица ед. числа наст. времени; отъ того и въ нѣкоторыхъ словаряхъ выставлены именно эти три формы. Разсмотримъ, основательно ли это.

Можетъ ли во-первыхъ неопред. наклоненіе служить основною формою?

Общую идею глагола почти на всѣхъ языкахъ принято выражать неопредѣленнымъ наклоненіемъ, и въ самомъ дѣлѣ оно къ тому всего удобнѣе. У многихъ народовъ оно представляетъ еще и ту выгоду, что во всѣхъ глаголахъ оканчивается одинаково. У нашихъ глаголовъ нѣкогда было также общее окончаніе на *ти*, но въ послѣдствіи оно подверглось двоякому измѣненію: 1) въ большей части глаголовъ оно сократилось въ *тъ*; 2) стоя послѣ буквъ *г* и *к*, оно вмѣстѣ съ ними (*гти*, *кти*) превратилось сперва въ *чи*, а потомъ въ *чь*. Уцѣлѣлъ слогъ *ти* только послѣ буквъ *с* и *з*, и притомъ единственно въ томъ случаѣ, когда на *и* удареніе, да и тутъ онъ почти всегда можетъ сокращаться въ *тъ*. Говорятъ, напри-м., *нести* и *нестъ*, *везти* и *везтъ*. Только въ *расти*, *пасти*, *итти* окончаніе *ти* никогда не измѣняется; въ *трясти* и *ползти* оно сокращается рѣдко. Не смотря на то, что неопредѣленное наклоненіе во многихъ глаголахъ потеряло свой первоначальный видъ, я нахожу, что оно, какъ по самому значенію своему, такъ и по удобству образовать съ помощью его разныя другія глагольныя измѣненія, должно быть удержано въ качествѣ первой основной формы глагола. И въ преподаваніи языка, и въ словаряхъ неопредѣленное наклоненіе такъ уже укоренилось

на первомъ мѣстѣ, что не легко было бы замѣнить его въ этомъ смыслѣ какою-либо другою формой.

Можетъ ли 1 лице ед. числа наст. времени служить второю основною формой?

Разсмотримъ это лице въ двухъ отношеніяхъ: 1) относительно ударенія, 2) относительно окончанія.

1) Относительно ударенія мы находимъ, что это лице вообще носитъ его на томъ же слогѣ, какъ неопред. наклоненіе, напр. помнѣть, помню; держать, держу; плакать, плачу; трепетать, трепещу.

Подъ это правило не подходятъ однакоже извѣстные односложные глаголы: пѣть, пою; пасть, паду; класть, кладу; клаясь, клянѹ и нѣк. др.

Сверхъ того пять глаголовъ, у которыхъ настоящее время образуется двойко, представляютъ въ одномъ изъ его окончаній отступленіе отъ означеннаго общаго закона:

алкать—алкаю и алчу
колыхать—колыхаю и колышу
страдать—страдаю и стражду
хромать—хромаю и храмяю
колебать—колебаю (устар.) и колеблю *).

Особому, но также постоянному закону въ этомъ отношеніи слѣдуютъ глаголы на *чь* и на *овѣть* и *свѣть* съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ.

2) Относительно окончанія 1 лица мы замѣчаемъ, что оно не носитъ въ себѣ довольно характеристическаго признака для спряженія; вотъ наприм. три глагола въ этой формѣ: *вляжусь*, *сижусь*, *держусь*, но у каждаго изъ нихъ въ неопредѣленномъ наклоненіи свое особое окончаніе: *влязть*, *сидѣть*, *держать*. То же видимъ мы и въ глаголахъ *любить*,

*) Къ этимъ глаголамъ можно бы причислить еще два: жадать, — жадая и жажду; имать—имаю и емлю; но въ первомъ неопредѣленное наклоненіе устарѣло, а послѣдній въ Русскомъ языкѣ неупотребителейъ безъ соединенія съ предлогомъ.

скоблить, колебать, у которыхъ 1 лице оканчивается одинаковымъ образомъ: *люблю, скоблю, колеблю*.

Мы находимъ далѣе, что 1 лице, по окончанію, всегда легко образовать отъ одного изъ слѣдующихъ, а для опредѣленія ударенія его, въ сомнительныхъ случаяхъ, указаніемъ служить неопредѣленное наклоненіе. Въ подробности это будетъ разсмотрѣно ниже, а здѣсь я удовольствуюсь заключеніемъ, что такъ какъ 1 лице всегда можетъ быть отыскано по другимъ формамъ, то нѣтъ причины ставить его въ число формъ основныхъ.

Не болѣе ли права на это имѣеть которое-либо изъ прочихъ лицъ настоящаго или будущаго времени?

Разсматривая эти лица въ обоихъ числахъ вмѣстѣ, мы открываемъ во всѣхъ ихъ одно общее свойство—одинаковое *удареніе*, часто отличное отъ того, какое находится въ 1-мъ лицѣ един. числа. При этомъ всегда повторяется одно явленіе, именно то, что въ 1-мъ лицѣ удареніе на послѣднемъ слогѣ, а въ другихъ оно переходитъ на предпослѣдній, наприм. *рублю, рубишь, ить, имъ и т. д.; держу, держишь; терплю, терпишь; могу, можешь...*

Обратной перемѣны, т. е. такой, чтобы удареніе съ предпослѣдняго слога въ 1-мъ лицѣ переходило въ слѣдующихъ на послѣдній—никогда не бываетъ.

Указать средство, какъ по 1-му лицу узнавать *удареніе* слѣдующихъ, нѣтъ возможности; но и образовать *окончанія* остальныхъ лицъ съ помощію 1-го чрезвычайно затруднительно, потому что при семъ необходимо помнить, какимъ окончаніямъ неопредѣленнаго наклоненія соответствуютъ извѣстныя окончанія 1-го лица, а на это нѣтъ постоянныхъ правилъ.

Конечно всякій согласится: 1) что если 1-е лице легче образовать по одному изъ слѣдующихъ, нежели на оборотъ, то лучше рядомъ съ неопр. наклоненіемъ приводить не 1-е, а одно изъ прочихъ, и 2) что если нѣтъ правилъ для объясненія перемѣны ударенія во 2-мъ и слѣдующихъ лицахъ,

то нельзя обойтись безъ прямого указанія одного изъ нихъ по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ это нужно.

Которое же изъ сходныхъ по ударенію лицъ настоящ. или будущ. времени предпочтительно должно быть принято за основную форму?

2 и 3-е лица ед. числа, 1 и 2-е множественнаго не отличаются одно отъ другаго начальною гласною своихъ окончаній, которая всегда бываетъ *е* или *и*, напротивъ въ 3-мъ лицѣ множ. числа обнаруживается большее разнообразіе: *бер-утъ*, *пор-ютъ*, *вид-ятъ*, *держ-атъ*, и предшествующія лица (кроме 1-го ед. ч.) не всегда сами по себѣ могутъ рѣшить сомнѣніе, какъ именно (на *утъ* или *ютъ*) должно оканчиваться 3-е лице множ. числа. Конечно это сомнѣніе можетъ быть рѣшено 1-мъ лицомъ ед. ч., но теперь мы предполагаемъ его еще неизвѣстнымъ; извѣстность же его прежде другихъ лицъ, какъ мы видѣли, мало доставляетъ выгоды.

Напротивъ, 3-е лице мн. ч. прямо и несомнѣнно указываетъ окончанія другихъ лицъ обоихъ чиселъ того же времени; притомъ оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохраняетъ корень глагола во всей чистотѣ, тогда какъ онъ въ остальныхъ однородныхъ по ударенію лицахъ подвергается измѣненію, наприм. въ глаголахъ *течь*, *тек-уть* (*теч-ешь*, и пр.), *лгать*, *лг-уть* (*лж-ешь*). Наконецъ прибавимъ, что отъ 3-го лица мн. ч. давно уже во всѣхъ грамматикахъ производятся нѣкоторыя формы, именно: дѣйствит. причастіе и дѣепричастіе настоящаго времени. По всѣмъ этимъ причинамъ, для 2-й основной формы всего удобнѣе оказывается 3-е лице мн. числа.

Въ этомъ утверждаетъ насъ и аналогія нѣкоторыхъ другихъ языковъ: такъ въ Арабскомъ, въ Еврейскомъ и въ Финскомъ 3-е лице ед. числа наст. вр. считается коренною формой. Въ Русскомъ языкѣ, для поставленія, рядомъ съ неопр. наклоненіемъ, 3-го лица мн. числа тѣмъ болѣе основанія, что у насъ между этими двумя формами по внутреннему значенію ихъ, есть нѣкоторое сродство. Какъ неопр.

наклоненіе означаетъ отвлеченное понятіе глагола безъ всякаго отношенія къ личности, такъ и въ 3-мъ лицѣ мн. ч. настоящаго или будущ. вр. это понятіе является хотя уже въ связи съ личностью, но иногда самымъ неопредѣленнымъ образомъ, такъ что субъектъ совершенно умалчивается и въ такомъ случаѣ можно его представлять себѣ однимъ или нѣсколькими лицами, безъ ясной о нихъ идеи.

Отъ принятыхъ мною двухъ основныхъ формъ легко образовать всѣ прочія измѣненія глагола по наклоненіямъ, временамъ, лицамъ и числамъ (о *видахъ* здѣсь не идетъ рѣчи). Остановимся только на немпогихъ производствахъ, которыя, по новости своей, требуютъ объясненія. Прежде всего надобно доказать, что 1-е лице ед. ч. настоящ. или будущаго времени дѣйствительно образуется всегда съ помощію 3 го множ.ч., при чемъ для опредѣленія мѣста ударенія служить, въ сомнительныхъ случаяхъ, неопред. наклоненіе.

I. Когда 3-е лице множ. числа оканчивается на *утъ* или *ютъ*, то для полученія 1-го лица единствен. числа стоитъ только отбросить *тъ* *).

Что касается до ударенія, то здѣсь могутъ быть два случая:

1) Если оно на *утъ* или *ютъ*, или передъ ю гласная буква, то мѣсто ударенія въ 1-мъ лицѣ ед. ч. никогда не измѣняется и нѣтъ надобности имѣть въ виду неопред. наклоненіе, напр. даю-тъ, даю; плыву-тъ, плыву; сѣку-тъ, сѣку; пою-тъ, пою; мнѣю-тъ, мнѣю; дѣйствую-тъ, дѣйствую; образу-тъ, образу.

*) Положимъ, что буква *у* въ 1-мъ лицѣ ед. ч. по происхожденію существенно отличается отъ *у* въ окончаніи 3-го лица мн. ч., но при грамматическомъ указаніи глагольныхъ окончаній такое различіе не можетъ быть принимаемо въ расчетъ. Въ другой выноскѣ было уже объяснено, какъ я понимаю значеніе и назначеніе основныхъ формъ глагола. Впрочемъ, еслибъ 1-е лице и сохраняло во всѣхъ глаголахъ свое первоначальное окончаніе на *и*, все-таки легко было бы образовать его отъ 3-го лица множ. ч.

2) Если передъ *утъ* или *ютъ* стоитъ согласная буква и удареніе на предпоследнемъ слогѣ, то 1-е лице ед. ч. принимаетъ удареніе неопредѣленнаго наклоненія, на прим.

Отъ рѣзать, рѣжу-тъ—рѣжу; отъ плакать, плачу-тъ—плачу; отъ красть, краду-тъ—краду.

Напротивъ, отъ колотъ, колютъ—колю; отъ вязать, вяжу-тъ—вяжу; отъ дремать, дремлю-тъ—дремлю; отъ трепетать, трепещу-тъ—трепещу.

Примѣчаніе. Пять вышеприведенныхъ глаголовъ: *алкать, колысать, страдать, хромать, колебать*, съ двойкимъ на стоящимъ временемъ, отступаютъ въ одномъ изъ его окончаній отъ указаннаго общаго правила и имѣютъ въ 1-мъ лицѣ: *алчу, колышу, страдаю, хромлю, колеблю*.

Исключеніе составляетъ еще глаголъ: мочь, могу-тъ—могу; но это только видимое исключеніе: форма *могу* въ удареніи согласна съ первоначальнымъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ *моуи* (Малор. *могти*).

II. Когда 3-е лице мн. ч. оканчивается на *ятъ* или *атъ*, то въ 1-мъ лицѣ ед. ч. *ятъ* перемѣняется на *ю*, *атъ* на *у*; касательно же ударенія соблюдаются тѣ же два правила, какія изложены при окончаніяхъ *утъ, ютъ*, именно:

1) Когда удареніе на *ятъ, атъ* или передъ *я* гласная буква, то 1-е лице ед. ч. всегда удерживаетъ то же удареніе: вел-ятъ, вел-ю; говор-ятъ, говор-ю; трещ-ятъ, трещ-у; дребезж-ятъ, дребезж-у; сто-ятъ, сто-ю; сто-ятъ, сто-ю; та-ятъ, та-ю.

2) Когда передъ *ятъ, атъ* согласная буква и удареніе на предпоследнемъ слогѣ, то 1-му лицу ед. ч. сообщается удареніе неопредѣленнаго наклоненія:

Отъ помнитъ, помн-ятъ—помн-ю; отъ тѣшитъ, тѣш-ятъ—тѣш-у.

Напротивъ, отъ валитъ, вал-ятъ—вал-ю; отъ служить, служ-ятъ—служ-у; отъ курить, кур-ятъ—кур-ю; отъ держать, держ-ятъ—держ-у; отъ волочить, волоч-ятъ—волоч-у.

Примѣчаніе. Глаголь *идѣть*, *иди-ятѣ* — *иди-ю* есть только видимое исключеніе, потому что неопредѣл. наклоненіе, соответствующее настоящему времени изъяв., есть *иди́тъ*, но оно уступило мѣсто другому глаголу: *идѣть*.

Случается, что передъ буквою *ю* въ 1-мъ лицѣ ед. ч. не могутъ устоять нѣкоторые согласныя, какъ-то: *б*, *п*, *в*, *ф*, *м*; *д*, *т*; *з*, *с*; тогда эти согласныя подвергаются извѣстному измѣненію, отъ котораго зависитъ и необходимый иногда переходъ буквы *ю* въ *у*, но самый законъ образованія 1-го лица въ сущности остается тотъ же; вся разница въ томъ, что вмѣсто *бю* произносятъ *бю*, *вм. бю* — *пю*, *вм. пю* — *пю*, *вм. дю* — *жу* или *жду*, *вм. зю* — *жу* и проч.

Отъ 3-го лица мн. числа получаютъ еще проще какъ 2 и 3-е единств., такъ и всѣ три лица множеств., именно перемѣною:

— *ютъ*, *утѣ* на *еиѣ*, *етѣ*; *емѣ*, *ете*.

— *ятѣ*, *атѣ* на *ииѣ*, *итѣ*; *имѣ*, *ите*.

Удареніе во всѣхъ этихъ лицахъ постоянно то же, что въ 3-мъ л. мн. ч.

Если окончанію *утѣ* предшествуетъ *г* или *к*, то передъ гласною *е* въ другихъ лицахъ *г* смягчается въ *ж*, а *к* въ *ч* берег-утѣ, береж-еиѣ и т. д., тек-утѣ, теч-еиѣ и проч.

Не считаю нужнымъ останавливаться на удобствахъ образованія нѣкоторыхъ другихъ глагольных формъ отъ 3-го лица мн. числа. Упомяну только объ одномъ: страдат. причастіе настоящ. времени на *бмый* является только тамъ, гдѣ это лице оканчивается на *утѣ* съ удареніемъ: *несутѣ*, *несомый*; *влекутѣ*, *влекомый*; *зовутѣ*, *зовомый* (не подходитъ подъ это замѣчаніе только *искомый*).

Производство прошедшаго времени изъяв. накл., въ отношеніи къ окончанію, отъ наклоненія неопредѣленнаго давно принято многими. Но почему слоги *ла*, *ло* въ ед. ч. этого времени и *ли* во множ. иногда носятъ удареніе, а иногда нѣтъ? Отъ чего въ одномъ случаѣ говорятъ: тек-

ла,—*ло*,—*ли*, а въ другомъ *сък-ла*,—*ло*,—*ли*, хотя неопредѣленное накл. въ обоихъ оканчивается одинаково; также: *вез-ла*,—*ло*,—*ли* и—*грызла*,—*ло*,—*ли*?

Такое различіе зависитъ отъ первоначальной формы неопредѣл. наклоненія. Въ глаголахъ, которые, сверхъ окончанія *тъ*, *сть*, могутъ имѣть *ти*, *ти* или и всегда сохраняютъ одно только послѣднее, полное окончаніе,—удареніе въ прошед. времени постоянно падаетъ на слоги *ла*, *ло*, *ли*, на прим. *везть* или *везти*: *везла*, *ло*, *ли*, *грестъ* или *грести*: *гребла*, *ло*, *ли*; *пастъ*: *паста*, *ло*, *ли*. Напротивъ, когда неопред. наклоненіе оканчивается только на *тъ*, *сть*, когда следовательно неупотребительное окончаніе его на *ти* не носитъ ударенія, тогда и въ прош. времени удареніе не можетъ падать на слоги *ла*, *ло*, *ли*: *грызть*, *грызла* и проч.; *лѣзть*, *лѣзла*; *класть*, *клала*; *сѣсть*, *сѣла*, *ло*, *ли*.

Такъ и въ двухъ глаголахъ на *чь*: *стричь*, *сѣчь* окончаніе *ла*, *ло*, *ли* въ прош. времени остается безъ ударенія (*стригла*, *сѣкла*, *о*, *и*) по той причинѣ, что первоначальное окончаніе ихъ на *ти*, *ти* не носило ударенія, какъ видно донынѣ въ Малороссійскомъ нарѣчьи, гдѣ эти глаголы сохраняютъ форму: *стригти*, *сѣкти*. Во всѣхъ прочихъ глаголахъ на *чь* окончанія прошедшаго времени *ла*, *ло*, *ли* принимаютъ удареніе, сообразуясь съ первоначальнымъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ на *ти*, *ти*.

Соотношеніе, открывающееся такимъ образомъ между неопредѣленнымъ наклоненіемъ и прошедшимъ вр. изъявительнаго по ударенію, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Отсюда вытекаетъ и законъ объ удареніи въ страд. причастіи прошед. времени у глаголовъ, оканчивающихся на *чь* и на *тъ* или *сть*. Когда у нихъ въ прош. врем. изъяв. накл. послѣдній слогъ *ло*, *ла*, *ли* остается безъ ударенія, тогда и въ страдат. причастіи оно не падаетъ на окончаніе *енъ*, на прим. *грызть*, *грызла*, *ло*, *ли* — *грызень*; *класть*, *клала* — *кладень*; *стричь*, *стригла* — *стрижень*; *сѣчь*, *сѣкла* —

сѣченъ. Напротивъ слогъ *енъ* носить удареніе въ глаголахъ вести, вела́, ло́, ли́ — ведёнъ; везти́, везла́, везёнъ; влечь, влекла́, влечёнъ; беречь, берегла́, бережёнъ и пр.

Въ прошедшемъ вр. многихъ односложныхъ глаголовъ на *ть* съ предыдущею гласною буквою, окончаніе одного женскаго рода (*ла*) принимаетъ удареніе, на прим. *была́, жила́, рвала́, мала́*; но это — далеко не общее явленіе, какъ видно изъ примѣровъ: *была, жала, крѣла, знала*. Есть одно постоянное правило касательно ударенія въ глаголахъ возвратныхъ. Когда въ прош. времени глагола на *ть* окончаніе женскаго рода *ла* ходить съ удареніемъ, то, по присоединеніи къ глаголу мѣстоименія *ся*, это послѣднее въ мужескомъ родѣ означеннаго времени также принимаетъ удареніе, которое сообщается и слогамъ *ло́, ли́* передъ возвратнымъ мѣстоименіемъ *ся* или *сь*, на прим. *рва-л-а́: рва-л-ся́, рва-л-ось, рва-л-ись; гнал-а́: гнал-ся́, гнал-ось, гнал-ись; жил-а́: (раз) жил-ся́, — жил-ось, — жил-ись; (от) пер-л-а́, — пер-ся́, пер-лось, пер-лись; родил-а́: родил-ся́, родил-ось, родились, —* хотя при отсутствіи возвратнаго мѣстоименія говорятъ: *рвало, рвали, гнало, гнали* и проч. О женскомъ родѣ прош. времени возвратнаго залога говорить нечего: слогъ *ла́* удерживаетъ свое удареніе и передъ *ся* или *сь*.

По изложеннымъ началамъ спряженія неправильными оказываются только тѣ глаголы, у которыхъ какія-нибудь окончанія не образуются по извѣстнымъ правиламъ отъ одной изъ основныхъ формъ. Такихъ глаголовъ не болѣе 10—12-ти. У однихъ неправильность обнаруживается въ настоящемъ или будущемъ, у другихъ въ прошедшемъ времени, у третьихъ въ повелительномъ наклоненіи.

Въ настоящемъ или будущемъ времени неправильны глаголы: бѣжать, бѣгутъ; чтить, чтятъ; хотѣть, хотятъ; ѣсть, ѣдятъ; дать, дадутъ. Здѣсь неправильность состоитъ въ томъ, что отъ 3-го лица множ. числа нельзя образовать правильно всѣхъ остальныхъ лицъ въ обоихъ числахъ. Отъ бѣгутъ

нельзя образовывать бѣжишь, — ить; — имъ, бѣгите; отъ чтать — чу, отъ хотать — хочешь и хочеть; отъ ѣдять — ѣмъ ѣшь, ѣсть, отъ дадутъ — дамъ, дашь и все прочее.

Въ прошедшемъ времени неправильны: итти, идуть; шибить, шибуть, потому что отъ итти нельзя образовывать шелъ, а отъ шибить — шибъ.

Въ повелительномъ наклоненіи неправильны: лечь, лягутъ — лягъ; ѣсть, ѣдять — ѣшь; сыпать, сыплютъ — сынь.

Есть еще нѣсколько глаголовъ, у которыхъ то или другое изъ прочихъ окончаній образуется неправильно, но это столь частныя аномаліи, что изъ-за нихъ нельзя признавать цѣлаго глагола неправильнымъ.

Хотя обѣ основныя формы никакъ не могутъ быть выведены одна изъ другой, все-таки необходимо, въ теоріи спряженія Русскаго глагола, показать, въ какомъ отношеніи эти двѣ формы находятся между собою у разныхъ глаголовъ. Наприм. глаголъ дѣлать, дѣлають не похожъ на пороть; порюють, и терпѣть, терпять — на тужить, тужать. Несходство ихъ заключается въ различномъ отношеніи между 1-ю основною формой и 2-ю. Для систематическаго обзора глаголовъ по этому отношенію я нахожу удобнѣйшимъ сохранить тѣ самыя разряды, какіе г. Востоковъ принялъ подъ именемъ *различій*, но съ тою переменъною, что вслѣдъ за неопредѣл. наклоненіемъ слѣдовало бы приводить, вмѣсто 1-го лица един. числа, 3-е лице множественнаго.

Немногіе глаголы, которые, по взаимному отношенію обѣихъ основныхъ формъ, не подходятъ подъ означенные разряды, должны бы составить, согласно съ теоріею г. Востокова, особый классъ неправильныхъ глаголовъ, при чемъ нѣкоторые изъ помѣщенныхъ имъ въ 1-мъ отдѣлѣ перешли бы во 2-й, къ которому такимъ образомъ принадлежали бы слѣдующіе глаголы: ревѣть, ревуть; стенать, стонуть; гнать, гонять; ѣхать, ѣдутъ; итти, идуть; быть, будутъ; ѣсть,

ѣдятъ; дать, дадутъ^{*)}. Къ нимъ надобно еще причислить: клясть, клянуть; сѣсть, сядутъ и лечь, лягутъ. Но почти всѣ эти глаголы неправильны единственно по такой несоответственности въ ихъ составѣ, спряженіе же ихъ, т. е. образованіе прочихъ окончаній отъ основныхъ формъ происходитъ по большей части правильно.

^{*)} Что касается до гл. *спать*, отнесеннаго г. Востоковымъ къ числу неправильныхъ, то я раздѣляю мнѣніе г. Павскаго, который ставитъ его въ одинъ разрядъ съ глаголами *смотрѣть*, *лежать*, *стоять* и проч. (соотвѣствующими 9-му различію г. Востокова).

